

Россия и ее «понимающие» союзники ДИСКУРСЫ, КОММУНИКАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 435
Август 2016 г.

Андрей Макарычев
Университет Тарту, Эстония
Стефано Брагироли
Университет Тарту, Эстония

Российско-украинский конфликт усилил стремление Кремля установить отношения с теми политическими силами в Европе, которые бросают вызов находящимся у власти элитам и выражают открытое неудовольствие политикой Европейского Союза. В широком смысле цель Москвы при этом состоит в том, чтобы заручиться пониманием и поддержкой с их стороны в том, что касается роли России как одной из ведущих европейских держав, а также способствовать дальнейшему ослаблению амбиций ЕС. Исходя из этого, российская дипломатия сделала своим приоритетом контакты с симпатизирующими России группами в Европе, в результате чего обе стороны получили возможность прагматично использовать друг друга для своих целей. В то же время российские политики, вероятно, понимают, что слишком тесные связи с партиями с противоречивой репутацией содержат в себе некоторые риски с точки зрения восприятия новых российских партнеров внутри самой России.

Структура поддержки Путина

В Европе можно выделить четыре группы поддержки России.

Первая группа – это прагматики, чьи позиции наиболее сильны в Германии, Франции, Италии, Финляндии и некоторых других странах. Эта категория имеет устойчивые связи с национальными корпоративными элитами, заинтересованными в доступе на российский рынок. В Германии сторонники такого делового подхода опираются на одно из положений теории модернизации о том, что интенсификации торговых и экономических обменов в конечном итоге ведет к политическим переменам, и при этом ссылаются на опыт дезинтеграции СССР как на пример успешности такой стратегии.

Вторую группу составляют политические силы, которые отождествляют себя с Россией в

языковом плане, а также этнически или цивилизационно. Речь идет о Латвии и Эстонии, значительную часть электората которых составляют русскоязычные избиратели; в то же время культурная идентификация с Россией имеет место и в таких странах, как Болгария и Греция.

В-третьих, к числу симпатизирующих России сил следует отнести некоторые левые, неомарксистские и коммунистические партии (особенно в Германии, Франции, Италии, Испании). Для них отношения России с Западом представляют собой борьбу двух гегемоний, в которой они разделяют российскую интерпретацию событий в Украине с точки зрения опасностей современного правого национализма.

Наконец, в четвертой группе мы видим партии право-националистической ориентации (Национальный Фронт во Франции, Йоббик в Венгрии, Атака в Болгарии, Альтернатива для Германии, Партия Свободы в Австрии, Северная Лига и Новая Сила в Италии, Золотой Рассвет в Греции, Британская Национальная Партия и пр.). Их общий знаменатель – призыв к национальной форме организации государства и неприятие наднациональной интеграции, которую правые связывают с доминированием США в Европе и с ростом миграционных потоков. Именно эта, четвертая группа и представляет наибольший исследовательский интерес в силу роста консервативных тенденций по всей Европе, включая Россию.

Что говорит Россия, или Комфортное Общее Дело

Российская элита, при всем своем пафосе самоизоляции, на самом деле не является антиевропейской, При всех демонстративных разворотах на Восток целью России является не столько разрыв с ЕС, сколько легитимация роли и статуса РФ в составе «большой Европы», метафорически простирающейся «от Лиссабона до Владивостока». Как верно отметил российский политолог Василий Жарков:

«Меньше всего российская столица похожа на осажденную крепость, а ее жители не выглядят как люди, участвующие в войне, тем более с Западом. Кроме вызывающих все меньше доверия данных социологических опросов, нет ничего такого, чтобы выдавало в русском человеке желание «вернуться к Европе задом»...Существующий конфликт с Западом может быть объяснен как естественное продолжение не прекращающейся европеизации России».

Другой политический аналитик Глеб Павловский по-иному высказывает ту же мысль:

«Самообольщение российской позиции заключено... в нерушимой связи России с Европой. Связи ненавистной, испепеляющей, демонически страстной. Страсти, которую ни одна европейская нация с XVIII по XXI век не могла ни разделить, ни понять. Россия не просто навязывает себя Западу. Она убеждена, что Запад может и должен решать ее проблемы, жить ими – и жить с ней... Новая Россия хотела не победить Запад, а к нему присоединиться. В фантазиях мы «уже» присоединились – долларизацией быта, политики и хозяйства, турпоездками, вещами и потребительскими привычками. Длинным рядом осязательных «аргументов», делающих отказ в равенстве со стороны Запада чем-то непонятным и злонамеренным».

В то же время многие российские представления исходят из идеи Ивера Нойманна о двух Европах – “настоящей” и “ложной”. Эта дихотомия существовала и в советское время, когда социалистические страны играли роль «альтернативной», «правильной», «нашей» Европы. Один из примеров сохранения подобной логики – заголовок статьи об итальянской партии Северная Лига в неосталинистской газете «Завтра» 2014 года под названием «Но есть и другая Европа».

Российская пропаганда прилагает немало усилий к тому, чтобы вписать Россию в комфортные для путинского режима тренды, определяемые распространением скептических настроений в отношении институтов ЕС и призывов вернуться к национальным основам политического процесса. В этом смысле правая европейская идеология относительно гармонично сочетается с тремя важными элементами политической философии Кремля.

Во-первых, российская дипломатия не видит позитивного эффекта от наднациональных институтов, таких как ЕС, который в Москве ассоциируется с бюрократической инерцией и финансовой неэффективностью. Политический обозреватель Голоса России Дмитрий Бабич в этой связи считает, что

«в известном смысле ситуация похожа на средние века, когда отношения православной России с отдельными европейскими странами могли быть лучше или хуже, в зависимости от геополитических интересов, но отношения с Ватиканом всегда были заморожены и полны идеологического недоверия. Сегодня ЕС очевидно хочет взять на себя роль Священной Римской Империи, то есть морального арбитра и источника центральной власти. Именно это и Россия, и Великобритания едва ли могут принять».

Во-вторых, по мнению Кремля, Европа страдает от своей политической повестки, состоящей из принципов либеральной эмансипации, которые несовместимы с консервативными представлениями, преобладающими внутри России. С точки зрения России, чем больше ЕС настаивает на либеральных ценностях, тем меньше шансов на то, что Брюссель воспримет Москву в качестве равного партнера. Это объясняет интерес – поддерживаемый правыми партиями – к деполитизации отношений между ЕС и РФ, что на практике означает устранение из сферы взаимного диалога отсылок к либеральному дискурсу.

В-третьих, Кремль полагает, что Европа должна дистанцироваться от США как от «внерегionalной силы», и в этом тоже находит некоторую поддержку правых. Поскольку у России не получилось интегрироваться в евро-атлантические структуры (включая НАТО), то последние видятся из России подозрительными, если не враждебными.

По всем этим трем позициям европейские правые могут считаться путинскими союзниками – они разделяют российский евроскептицизм, анти-либерализм и критику в отношении США. Они отделяют «Европу банков» от «Европы людей» и считают, что наднациональный характер ЕС понижает его демократическую легитимность и актуализирует возрождение национальных форм государственности; они также уверены, что Европа находится под слишком большим американским влиянием. Крайние правые склонны к солидарности с российскими

консерваторами в том, что касается гомофобных практик и поддержки «традиционных семейных ценностей».

Из этого можно сделать вывод о том, что кремлевская идеология имеет за собой вполне практические цели. Россия старается помочь дестабилизировать ЕС изнутри, ослабить евро-атлантическую солидарность и подорвать американскую гегемонию в Европе через концепции многополярности и равенства. Это может дать России шанс внести вклад в ренационализацию Европы и ее переозначение через анти-либеральные смыслы. На этой основе Россия надеется вернуть себе статус полноценной участницы «концерта великих европейских держав», представляющих «старую добрую Европу».

Коммуникативные стратегии России

У России, как видим, есть что сказать своим сторонникам в Европе, но эти послания нуждаются в коммуникационной стратегии. Два ее аспекта наиболее интересны.

Во-первых, связи российских политиков с европейскими правыми изначально носили осторожный, постепенный и косвенный характер. На первоначальном этапе Кремль вообще не был задействован в установлении этих контактов. Например, Сергей Бабурин, глава Российского Общенародного Союза, в 2006 году пригласил главу Национального Фронта Жан-Мари Ле Пена в Россию, что вызвало неоднозначную реакцию даже среди его коллег по националистическому движению в России. По словам самого Бабурина, он был исключен Дмитрием Рогозиным из парламентской фракции партии «Родина» именно за попытку установить контакт с Ле Пенем. Спустя несколько лет Рогозин в качестве заместителя председателя правительства встречался с Марин Ле Пен в Москве.

Ни президент Путин, ни премьер Медведев публично не афишируют свои политические симпатии к европейским правым. Отношения с ними развиваются через фигуры типа Рогозина, парламентские контакты или неформальные связи людей вне официального круга (Александр Дугин, Сергей Марков и другие). Визит лидера партии Атака Волен Сидорова в 2012 году на день рождения В.Путина оставался в рамках частной поездки. Первые контакты с лево-радикальной партией Сириза в Греции проходили при посредничестве Российского Института Стратегических Исследований (РИСИ).

Во-вторых, российские прокремлевские медиа, освещая поддержку российской политики со стороны правых партий (включая роль их членов в качестве международных наблюдателей во время референдума в Крыму, инсценированного Россией), предпочитают не афишировать их партийную принадлежность и называют их «европейскими политиками». Этот нюанс говорит о том, что Кремль заинтересован в демонстрации позитивного восприятия политики России в Европе в целом, а не идеологического сходства с группами определенной (и достаточно проблемной) политической ориентации.

Москва, таким образом, чаще всего легитимирует свои связи с европейскими правыми через неофициальные мероприятия с ограниченной аудиторией (гостевые лекции или участие в

Валдайском клубе). В известном смысле можно сказать, что такая система контактов является составной частью российской «мягкой силы». Ее проводниками выступают, например, фонд Василия Великого консервативного российского бизнесмена Константина Малофеева или такие некоммерческие организации, как Центр национальной славы под руководством бывшего главы Российских железных дорог Владимира Якунина.

Кремль использует также некоторые западные организации – например, американский Всемирный Конгресс Семей, который известен такими заявлениями: «В то время как западные правительства движутся назад к язычеству, Россия взяла на себя роль лидера по продвижению естественных семейных принципов». Важную роль при этом играет обмен опытом: Любовь Ерофеева, исполнительный директор Российской Ассоциации Народоноселения и Развития, утверждает, что российские противники аборт «почти все скопировали от американских фундаменталистов и консервативных кругов тех европейских стран, где аборт запрещены или ограничены».

Существенная проблема с точки зрения коммуникационной стратегии состоит в том, что слишком тесная связь с правыми партиями может быть воспринята как поддержка целой серии политических позиций, которые противоречиво воспринимаются внутри России. Это касается, прежде всего, исламофобских настроений среди европейских правых, что для Кремля не может быть приемлемо. Как писал журнал Тайм в мае 2014 года,

«это и есть главная дилемма для Кремля. Его экономические интересы определяют желание способствовать разногласиям внутри ЕС, однако его естественные союзники в этих попытках представляют те политические силы, которые россияне привыкли отвергать. Правые партии - Йоббик и Национальный Фронт – являются последователями той политической линии, которой СССР нанес поражение во второй мировой войне, и культ этой победы до сих пор является основой российской идентичности. Не менее важно и то, что национализм в России обычно ассоциируется с опасной центробежной силой, которая может подорвать единство, если распространится на этнические регионы внутри самой России».

Слишком сильное заигрывание с правой идеологией может быть опасным и в силу того, что в Украине именно правые силы (батальон «Азов») наиболее решительно настроены на военный отпор России.

Заключение

Россия может быть охарактеризована как транс-идеологический актор, который прагматично взаимодействует с разными силами внутри ЕС. В путинском транс-идеологическом проекте все идентичности становятся инструментами для легитимации российской гегемонии через защиту национального суверенитета, борьбы с неонацизмом и другие идеологемы. Однако внутри России такой транс-идеологический «микс» может быть неудобен для идеологически выраженных групп, которые не могут солидаризироваться, скажем, с левыми партиями, среди которых существует значительная поддержка ЛГБТ-движения.

Украинский кризис стал важной тестом для европейской политики России. Партии, симпатизирующие Кремлю, легитимируют не только роль России как евразийского гегемона, но и ее право силовым путем брать под свою протекцию «соотечественников», живущих за пределами РФ. Некоторые комментаторы предполагают, что российско-украинский конфликт поможет формированию «Пятого Интернационала», состоящего из анти-системных сил по всей Европе. Такой альянс может быть основан на солидарности в борьбе с «темными силами» в Украине или на поддержке поворота от глобализации к миру национальных государств. Такой сценарий не только угрожает будущему Украины и других пост-советских государств, которые могут оказаться в аналогичном положении, но и может привести к новому «концерту великих держав» и новым сферам влияния, то есть к тому, что европейский проект долгое время пытался избежать.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
EURASIA ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org